

С. Б. АДОНЬЕВА

ПРИЧИТАНИЕ: РИТУАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ПОСВЯТИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

Предметом нашего внимания будет вопрос о функции причитания в составе русской похоронно-поминальной традиции.

Прежде чем к нему обратиться, обозначим в самых общих чертах тот контекст, в рамках которого будет рассматриваться интересующий нас предмет. Социальная жизнь деревни (впрочем, как и любого другого социума) обладает особым «стереоскопическим» строением: ее нельзя представить как единую картину жизни. Люди, принадлежащие к разным половозрастным группам и занимающие различные социальные позиции, живут в разных мирах: те проекции жизни, которыми они располагают, определены их жизненным опытом и вменены статусом. Сведение этих жизненных проекций к единому знаменателю «традиционной картины мира» существенно упрощает наше представление о традиции.

Проекция, или «картина мира» (определение, вошедшее в научную традицию для описания представлений о мире), жестко связана с набором стереотипов поведения, присущих человеку в данной социальной позиции. Изменение социальной позиции — мобильность — предполагает смену стереотипов, а следовательно, и смену жизненной проекции (картины мира), что обусловлено изменением точки зрения.

Психологически такое событие для человека обязательно предполагает определенное переживание: неведомая до того «часть» мира вторгается во внутреннее жизненное пространство человека и преобразует его структурно, приводя его в соответствие с новой картиной мира, предписанной ему новым социальным статусом. Такое психологическое изменение предполагает деструктивную fazу — взрыв, чреватый разрушением внутренней идентичности личности.¹ Представляется, что одна из функций переходного ритуала состоит в том, чтобы преобразовывать (превращать) одну проекцию жизни в другую в соответствии с перемещением человека от одного к другому социально фиксированному положению. Как такую «преобразовательную» процедуру мы и рассматриваем в настоящей статье похоронно-поминальную традицию, и в частности традицию причитаний.²

Похоронный ритуал представляет собой сложную форму взаимодействия, результатом которой оказывается новое распределение социальных позиций между членами коллектива: выбывая из мира людей физически, умерший обретает новый статус (становится «родителем» — членом мира мертвых, пред-

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 176—212.

² На примере свадебных причитаний этот вопрос был рассмотрен в ст.: Адоньева С. Б. «Я» и «Ты» в ритуальном тексте: Ситуация границы // Альманах «Канун». Вып. 3: Пограничное сознание и пограничная культура / Сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1998. Приводимые ниже наблюдения большей частью основаны на полевых записях автора (в таких случаях информация приводится без сноски), а также на материалах фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета, полученных в результате полевых исследований на Русском Севере (Архангельская, Вологодская области).

ставляющего собой одну из частей традиционного социума). «Лиминальными персонами» похоронного ритуала оказываются также и все те, чья роль меняется в результате этого события: муж становится вдовцом, дети — сиротами, женщина — вдовой.³ Наряду с достаточно хорошо изученным фольклористами и этнографами «переходным» параметром похоронного ритуала,⁴ заслуживает внимания необходимо связанная с переменой статуса инициационная процедура — посвящение. Факты, о которых мы будем говорить ниже, дают основание полагать, что похоронный обряд посвящает в *сиротство*.

Если мы обратимся к семантике этой лексемы в контексте речи, то выяснится одно интересное обстоятельство. В лексиконе северорусских причитаний слово «сирота» (в отличие от нормативного значения этого слова ‘человек, у которого умер один из родителей’)⁵ относимо к любому человеку, чье социальное состояние изменяется в результате похоронного ритуала. Жена, причитая по мужу, именует себя сиротой, садясь на «сиротскую» лавочку:

Моя милая ты ладушка,
Накажи-тко деткам миленьким
Про меня про сиротиночку...⁶

(Бел 17а-10)

Сиротой именует покойницу сестра, когда говорит о ее вдовстве:

Ой, как ёй вёddy знайтё-то, племенница́ки,
Ой, да ёй ведь не так да досталосё.
Ой, как подымала голубушка
Ой, она сиротиночкой горькою
Ой, она без милые ладушки!
Ой, никто не видя́ж желанницио,
Ой, яё великиё трудности.⁷

Я повыйду, сиротиночка,
Я на площадь на широкую,
Опушу я свой весел голос
Ко могилушке глубокия.
Буду звать я дозываться
Своего да сына милого.

(Бел 17а-13)

³ Это свойство переходных обрядов рассматривалось в ряде работ, напр.: Honko L. Siirtymariitit // Sananjalka: Suomen kielen seuran vuosik. Turku, 1964. N 6. S. 134—136; Nenola-Kallio A. Studies in Ingrian laments. Helsinki, 1982; Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд»: Тез. докл. М., 1985. С. 5—9; Байбурин А. К. Причтания: Текст и контекст // Artes populares / Ed. by V. Voigt. Budapest, 1985. Т. 14. Р. 59—78; Конка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992; Кузнецова В. П. Причтания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск, 1992.

⁴ Проекция «переходности» ритуала на уровень ритуального текста — причтания см.: Буркхарт Д. Текстуальные, контекстуальные и интертекстуальные аспекты причтаний на Руси // Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования. М., 1991. С. 78—93.

⁵ Что вполне укладывается в правило, отмеченное А. К. Байбуриным в общем смысле: «...обрядовое явление приобретает специфический смысл, не совпадающий с тем, какой он обычно имеет вне ритуала. В то же время слово (и как элемент причтаний), мотивируя эту двойственность и интерпретируя ее, оказывается наделенным содержанием, отличным от того, какое ему придается в нормативном словаре» (Байбурин А. К. Причтания. С. 77).

⁶ Здесь и ниже в скобках указан шифр текста из базы данных фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета. Рукописные материалы архива даются в сноске.

⁷ Обрядовая поэзия Русского Севера: Причтания // Бюл. Фонетического фонда русского языка. Приложение № 7. Санкт-Петербург; Бохум, 1998. № 11.

Сиротой называет себя мать, потерявшая сына. Самоопределение «я, сиротиночка» употребляется в причетах дочери по отцу, матери по сыну, жены по мужу. Объем значения слова «сирота» в контексте ритуала расширяется: оно именует не только детей, потерявших родителей, но каждого, понесшего личную утрату, пережившего смерть родителей, детей, жены или мужа.

В тех случаях, когда женщины по просьбе фольклористов пытаются показать, как принято причитать «вообще», и не обращаются при этом к воспоминанию собственного причитания, связанного со своей личной ситуацией, из текста выпадает и самоопределение причитающего (сирота) и обращение, определяющее статус умершего («лада», «семеюшка», «дитятко» и др.) по отношению к причитающему.⁸

Подойду я близехонько

(там по имени называют мать ли, кто ли)

Сяду рядом порядешенько.
Ты куды да парядилоси.

(Бел 17а-18)

Выхожу я, сиротиночка,
На широкую на улочку,
На проезжу путь-дороженьку
Распушу я свой *нрзб* голос
Как по лесу да по темному,
Я по полю по широкому,
Я по морюшку глубокому,
За болота за зыбучие,
За леса да за дремучие,
За оградушку широкую,
На могилочку глубокую,
Ко тебе, да мила ладушка,

(я уж как своего буду причитать)

Ко тебе, да мила ладушка,
Буду звать да дозвыватися,
Буду кликать-докликатися.

(Бел 17а-17)

Причитающая сестра, тетка или сноха — родственницы покойного, чей статус не изменяется в результате произошедшего, избегают самоопределения «сирота»,⁹ несмотря на то что это определение («как пойду я, сиротиночка») ритмически включено в общераспространенный причетный зачин.

В пользу предлагаемой интерпретации говорит то обстоятельство, что те женщины, которые причитают на похоронах, обычно уже имеют опыт сиротства или вдовства. Впервые в своей жизни на похоронах причитает та, которая становится сиротой, «сиротеет» в данный момент, посредством настоящего ритуала. Глагол «сиротеть», отсутствующий и в нормативных словарях русского языка, и в словаре В. Даля, в диалектной речи и в фольклоре имеет не только квалификационное значение: сиротеть — быть сиротой, но и процессуальное: «что чужую жену любит — своя сиротеет», «не сироть малых детушек».

⁸ О жесткой зависимости формы причета от его включенности в ритуальную ситуацию см. напр.: Анкудинова О. В. О некоторых жанровых особенностях плача // Русский фольклор. Т. 23. Полевые исследования. Л., 1985. С. 95—99.

⁹ Появляются замены: «уж как сяду я, беднушка», «кручинная головушка», «бедная го-рюшица» (Обрядовая поэзия Русского Севера. № 3—5).

Дважды в Белозерье встречались рассказы о том, как «украли» причет: вдовы женщины объясняли свое неумение причитать тем, что в момент смерти мужа (т. е. в посвятительной, лиминальной для информантов ситуации) другая женщина (сноха) начинала причитать первая и тем самым «крада голос». Этот факт указывает на особый статус события первого плача.¹⁰

Похоронный ритуал наделяет определенную группу людей новым для них статусом и новой, определенной этим статусом, общественной ролью — сиротством («сиротство»).¹¹

О том, что сиротство выделено в традиции в качестве определенного социального статуса, можно судить по следующему ряду: И. Федосова, на вопрос о том, сколько ей лет, описала свою жизнь так: «Под столом ходила — хворост носила, стол переросла — коров доить пошла, косу отпустила — в работницах служила, пора настала — с молодцом гуляла, за мужем двадцать лет жила — тяжко горюшко несла, овдовела — осиротела!».¹²

Этот статус, маркированный определенными правовыми, материальными и социальными особенностями,¹³ характеризуется также и определенным набором ритуальных функций.¹⁴ О наличии особого положения сиротствующих говорит, например, тот факт, что повсеместно в Белозерье отказ женщин исполнить песню мотивируется утратой родителей, детей или мужа: «Не пою, много горей было» (ср. поговорку: «на меня горечко было — все погудочки забыла»). Запрет детямходить в чужие (соседские) дома без особого приглашения мотивируется тем, что они не сироты: «Нечего по чужим домам шастать, чай, не сирота». Напротив, вдовы женщины и сироты пользуются значительно большей свободой в отношении возможности пересечения чужой территории, ср.: «ходить по миру». Имущественная необходимость «идти по миру» для сирот и вдов подкреплялась потребностью подающих отдать часть своей еды нищим (сиротам) в дни поминования «родителей».¹⁵

Запрет вдовам участвовать в публичных увеселениях выражается в настоящее время в виде высказываемого «за глаза» общественного неодобрения по поводу пения «веселых» песен, участия в фольклорных праздниках и вообще частого появления «на людях».

Так, например, одна из наших информанток, рассказывая о поминальной причети, сказала: «Сижу одна дома, причитаю, да вдруг и запою. Посмотрю в окно, не услышал бы кто».¹⁶

¹⁰ Это представление о голосе отметила Е. Е. Левкиевская: голос «существует как материальная субстанция, которая может отделяться от своего носителя, передаваться другому, отниматься и проч.» (Левкиевская Е. Е. Голос и звук в славянской апотропейической магии // Мир звучащий и молчаний: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 60—61).

¹¹ О «сирости» как признаке лиминальности: Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 54.

¹² Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями, обрядовыми гоношениями, причитальными и зазывальными. Тверь, 1889. Т. 3. С. 199.

¹³ За имущественным состоянием сирот и вдов следит община, например, с них складываются все тяглы или «некоторая часть оных, оброк же, следующий с этого тягла, раскладывается на все общество» (Быт великорусских крестьян-земледельцев : Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губ.) / Авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993. С. 70). Сирот «кормит мир» — мирские вклады в церковь имеют сиротскую часть, за сиротами и вдовами преимущественный выбор иночества и пр.

¹⁴ О ритуальных функциях сироты см.: Трофимов А. А. Убогий сирота // Живая старина. 1999. № 1. С. 25—26.

¹⁵ Этот традиционный обычай поддерживался церковным правилом попечения о сиротах и вдowых.

¹⁶ Фольклорный архив СПбГУ.

Напротив, участие в похоронах родственников, свойственников и соседей вдовы считают своим общественным долгом (например, мыть покойников — удел вдовых).

После переживания инициационного опыта утраты для вдов и сирот становится разомкнутой граница между живыми и мертвыми. Причтание служит языком (полученным в ритуале), на котором они постоянно поддерживают связь с «родителями» в урочные дни или любые другие, когда возникает потребность пожаловаться или поискать сочувствия.

На сороковой день в Лойде (юго-западная часть Белозерского района), после поминальной трапезы все отправлялись провожать покойного, но в отличие от предыдущих поминальных дней на кладбище не шли, провожали до «отвода» (край деревни), «за отвод не переходят», у отвода прочитают:

Попрошу я, сиротинушка,
Как тебя, да родитель-матушка,
Заломи-ко ты заломочку
На пути, да на дороженьке.
Как уж я-то, да сиротиночка,
Как уж я-то порастоскуюся,
Как приду-то на заломочку,
Поговорю да с родитель-матушкой.¹⁷

Многократно в интервью встречаются указания рассказчиц на особые уединенные места, избираемые ими для одиноких причитаний, — камень в поле, погост, пригорок в лесу. Упоминается также и то, что делать это можно в любое время (правда, указывается и особое условие — светлое время суток).

Женщина, впервые исполнив причтание в ситуации похорон того человека, смерть которого сделала ее сиротой (мужа, матери, отца), с этого срока становится полноправным участником всех последующих похоронно-поминальных ритуалов, обладая теперь правом «причетного голоса».¹⁸

С этим, как представляется, связаны факты, отмеченные фольклористами в бытовой причети Пудожья и Печоры: по парням, уходившим в солдаты во время Отечественной войны, причитали главным образом матери-вдовы:¹⁹ причитали вдовы о своих сыновьях-сиротах, уходящих на войну.

Не упоминается прощание с отцом в описании рекрутского обряда Е. В. Барсовым.²⁰ Приход умершего отца на проводы сына оказывается устойчивой темой рекрутских причитаний:

Ды по сегодняшнему деницецку
Уж(и) ко тебе, рожено дитятко,
Дак приходил кормилец-батюшко...

¹⁷ Записано от А. А. Лукичевой, 1920 г. р. в июле 1988 г. (см.: Разова И. И. Похоронный обряд Белозерского края // Белозерье: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 186).

¹⁸ Ср. в Сербии старая женщина-плакальщица так пояснила свою потребность в причтании: «Всех своих деток потеряла, всю молодежь склонила, о чем еще говорить... Когда мне было три года я видела, как мать, идучи на работы, в поле причитает. Уж такая меня жалость обуяла, такое на меня нашло. Еще не знала я, что это „причтать“ да „оплакивать“». Мне было только мать жалко, как она плакала. А когда она умерла, я и сама начала „плакать“. Потом по отцу да брату, да по деверю. А уж когда сыновей на войне потеряла — весь белый свет переменился! Солнце переменилось, люди для меня переменились» (Зайцев В. К., Шаулич Е., Шаулич Н. Сербские плачи // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 379).

¹⁹ Базанов В. Причтания Русского Севера в записях 1942—1945 годов // Русская народно-бытовая лирика: Причтание Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962. С. 10—44.

²⁰ Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 2. С. 248—257.

Уж самы знаем, самы ведаем —
Нет кормилица света-батюшка...²¹

Невеста-сирота в течение свадебного ритуала ходит вместе со «старухами» причитать на кладбище.²²

Я стояла, да сиротиночка,
Я стояла, да горе бедная,
А во церкви да во соборной
Против столба, да против точеного,
Против Пресвятой да Богородицы.
Я глядела да примечала
Государя да я батюшко.
Уж я красна да солнышка
Не могла я, сиротиночка,
Не углядеть да не упреметити
Не по росту да не по корпусу,
Не по русому волосьицу,
Не по лицу по красовитому,
Не по плечу по становитому.
Мне выдти, да сиротиночке,
На широко да на кладбище,
Подойти, да сиротиночке,
Ко могиле да ко высокой,
Ко кресту да ко железному.
Дорогой да сударь батюшко,
Не оставь-ко да, пожалуйста,
Ты моей да просьбы времени.
Ты приди да ко мне на свадебку.
Али тебя, да сударь-батюшко,
Не отпускает да мать-сыра земля.

Повсеместно на Русском Севере был распространен «сиротский» вариант свадебного обряда.

Посвященность в сиротство навсегда закрепляет за инициированным возможность обращения к миру мертвых (ритуальному контакту с «родителями»). В их руках с этого момента инициатива поминальной деятельности, на них лежит и ответственность за правильность поминовения. Так, жительница Белозерска 57 лет рассказывала о том, что считает своей обязанностью поминать в урочные дни года в бане (причитывая и выкладывая белье и мыло для «родителей», для каждого свое, отдельно хранимое в течение года) всех своих родственников, родителей своего первого мужа.²³

Именно в компетенции сирот оказывается знание о том, как устроена загробная жизнь, с одной стороны, и способность к поэтической медитации, мистическому прозрению в область «сени смертной», с другой. Об устройстве этой области они рассказывают неподготовленным «новопреставленным» в момент ритуала в причитании. Например, вдовая женщина причитает на похоронах по молодому племяннику:

Завейте, ветерочки,
С полуденной, со сторонушки.

²¹ Обрядовая поэзия Русского Севера. С. 98—99.

²² Бел 2-1, 93-07, Вологодская обл., Кирилловский р-н, Ферапонтовский с/с, д. Захарино, Трубникова Анастасия Владимировна, 1907 г. р., урож. д. Федосово, зал. Фефелова Ю. Г., Басилашвили К. О.

²³ Видеоматериалы экспедиции 1994 г. Фольклорный архив СПбГУ.

Да прилетите-ка два ангела,
 Ангелочки крылатые,
 Принесите душу, ангелы.
 Расколись-ка, мать-сыра земля,
 На две, на три половиночки
 Да на четыре четвертиночки.
 Размахнись-ка белым рученькам
 Да открои-ка очи ясные,
 Да поднимись на резвы ноженъки,
 Да пойдем-ка, мила ладушка,
 На последнее (простиныце),
 На последнее прощаньице.
 Ты пойдешь, да мила ладушка,
 В дальнюю дороженьку,
 За леса да за дремучие,
 За болота за зыбучие,
 За озера да глубокие,
 За моря да за широкие.
 Там ести сторожа
 Да ести верные,
 Караулы ести крепкие.
 Не отпустят тебя, ладушка,
 На родимую сторонушку.

(Бсл 17а-10)

«Сирых и вдовых» спрашивают об особенностях мира мертвых, и они рассказывают об этом вне ритуальной ситуации: в меморатах о покойниках.²⁴

Объединение идеи измененного состояния (восхищения души, поэтического экстаза), знания потустороннего мира и посредничества между живыми и мертвыми не является прерогативой русской традиции. П. А. Флоренский, рассматривая семантическое поле восхищения/хищения в пределах древнегреческой традиции, следующим образом описывал представленную лексически идею пограничности: «Человек умирает только раз в жизни, и потому, не имея опыта, умирает неудачно. Человек не умеет умирать, и смерть его приходит ощупью, в потемках. Но смерть, как и всякая деятельность, требует навыка. Чтобы умереть вполне благополучно, надо знать, как умирать, надо обрести навык умирания, надо выучиться смерти. А для этого необходимо умирать еще при жизни, под руководством людей опытных, уже умиравших. Этот-то опыт смерти и дается подвижничеством. В древности училищем смерти были мистерии. У древних переход к смерти мыслился либо как разрыв, как провал, как ниспадение, либо как восхищение. В сущности все мистериальные обряды имели целью уничтожить смерть как разрыв. Тот, кто сумел умереть при жизни, не проваливается в преисподнюю, а переходит в иной мир. Посвященный не увидит смерти — вот затянутое чаяние мистерий. Не то, чтобы он вечно оставался здесь; но — он иначе воспримет кончину, чем непосвященный. Для непосвященного загробная жизнь — это абсолютно новая страна, в которой он не умеет разобраться, в которую он рождается, как младенец, не имеющий ни опыта, ни руководителей. Посвященному же эта страна уже знакома — он уже бывал в ней, уже осматривал ее, хотя бы издали и под руководством людей опытных... Он, как говорили древние, знает карту иного мира и знает наименования потусторонних вещей. И поэтому он не растеряется и не запутается там,

²⁴ Кармина Ж. Мир живых и мир мертвых: Способы контакта (на примере двух локальных традиций Северо-Запада) // Староладожский сборник. СПб.: Старая Ладога, 1998.

где от неожиданности толчка и по неопытности, непосвященный не найдется, как поступить и не поймет, что делать».²⁵

Участники похоронного ритуала, как это видно на русском материале, делятся на посвящаемых — наделяемых новым сиротским статусом, который предполагает опыт смерти, и посвящающих, имеющих этот статус и соответственно опыт до данного похоронного ритуала. Первоначальное переживание сиротства открывает возможность зрения в сторону смертной черты, жизнь в горе («в горе живу») делает это зрение постоянной способностью.

«„Плаксы” — это специфически материнская поэзия, — отмечал Базанов, — лирика женской души. Чужое горе вопленицы так складно выплаивают потому, что они сами его пережили: „горюшко мучит, горе плакать велит”».²⁶

Можно предположить, что именем нарицательным, референтом которого является такой опыт, является слово «горе», и лексический контекст, и грамматические возможности которого в устной речи причетниц обнаруживают отличную от нормативной семантику. «Горе» в северо-русском крестьянском разговорном лексиконе означает социальный и психологический опыт переживания личной утраты, отсюда — возможность множественного числа: много «горей» — много пережитых смертей: «Не пою, много горей было». Дополнительным аргументом в пользу предложенного семантического толкования служат данные областных словарей: «горе-горькое — ср. в знач. сущ. 1. Тот, которого постигло горе. *Маринка-то — горе-горько, мужик умер, одна осталась.* 2. Ребенок-сирота. Хорошо хоть горе-горьких не осталось, все уже выросли».²⁷

Как тоскуе сирота да горегорькая
Горекуе по сердечной она дитетке.²⁸

Причетницы с удивительной настойчивостью и единообразием формулировок объясняют фольклористам, что способность к плачу связана с познанием горя и что именно оно, горе, является предметом причетного высказывания. «Все горе не привыплакать, да не привысказать, не привысказать, да не привычитать», — заметила А. К. Носова (Усть-Цильма) собирателям в разговоре и огласовала в причтании:

Я горюха ли — горе злачестное.
Я злачестное да горе злыденное.
Я со всех злыдень да верно сграбила,
На себя горе да я положила.²⁹

«И попела и поплакала. В молодости песни беда (так! — С. А.) пела. С моих песен рот тесен, запою, так умна мать с ума сойдет. А горе придет, так хошь не харь заплачешь...», — Т. Н. Тиронова (Усть-Цильма). «Анисья Львовна Шишакова говорила нам, — отметил собиратель, — что если горя нет, так и „плакса” на память не придет. „Горе есть, так плакать станешь, горе пройдет, так все забудешь”».³⁰

«Пойдет бывало Матрена Григорьевна (Дуркина) — очевидно, со слов исполнительницы сообщает фольклорист, — работать в поле, вспомнит свою

²⁵ Флоренский П. А. «Не восхищенье непещева» // Флоренский П. А. Сочинения : В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 167—168.

²⁶ Базанов В. Вопленицы // Базанов В. Песни Печоры. Сыктывкар, 1943. С. 28.

²⁷ Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии. Вологда, 1893. А—Г.

²⁸ Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7. С. 34.

²⁹ Базанов В. Песни Печоры. С. 28, 35.

³⁰ Там же. С. 39.

судьбу, вспомнит отца, встанет за куст плакучей ивы и станет приплакивать свое горе... „Горе учит плакать-то, кто больше испытал, тот больше и плачет. Горе пройдет, так и забудешь, как горе сподобит, так и будешь плакать опять”».³¹

Аналогичное выражение приведено фольклористами, записывавшими причитания в Заонежье: «Горе у меня стало, так и заплакала, а так причитывать не умела».³² «Не каждый, не каждый причитает. (А вы от кого научились?) Сама от себя. У меня сестра хорошо прочитала. ...Маленький на ус-то наматываешь, чтобы все вперед приготовить, какое слово вперед ставить. Горя нахватаясь, так и сама научишься» (Бел 17а-17).

«Из своей души высказывала горе свое, не учила причет... Вот так да по-причитаешь. Там чего падает на ум на самом деле. Я причитала, да вся публика плачет. Вот выходили — я свету белого не видела, ни людей, никого. Жалость мучит, горё. Меня под руки ведут, а я причитаю. Плачте все, так плачте — своим-то, — как мне жалко-то. Сына-то своего».³³

«Когда мать, сестра, тетя — попрочитают обязательно. Наплачутся и как легче на душе, как камень скатится. Как будто повидаясь, как поговоришь. На кладбище попрочитаю — как будто долг отдам. Не дай бог этих горей. Подразумевают, что, когда причитают, как будто он слышит. Я пока тут разгорююсь, причитаю, причитаю, не знаю, когда кончу, горе свое высказываешь, обида мучит. Придешь к покойному, не причитаешь да не так, когда запрочитаешь — слезы не унятся. Не плачешь, а плачется.

Предлагала старуха: „Давай тоску-то отниму”. Не надо тоски отнимать, поплачешь, выплачешь и все, а че колдовать, какую-то дрянь пить — не буду. Буду плакать, буду жалеть, вспоминать».³⁴

Достойна внимания лексико-грамматическая разработанность этого слова в устной речи: причитающая именует себя — горепащицей, гореношицей, горётицей, горюхой, горюшей, горегорькой, горюшиночкой.³⁵

Познание горя есть путь к дару причитания, а причитать суть говорить горе: не говорить *о чем* (о горе), как это было бы правильно с точки зрения грамматической нормы, но говорить *что*: «и не надо учиться, и никого слушать — свое горе выскажешь».³⁶ Горе *высказывают, выговаривают, выпричитывают, размыкивают*:

Ой, да вместе думушки вы,
Ой, да думы подумайте,
Ой, да вместе горюшко,
Ой, да вы поразмыкайте...

(Бел 17а-30)

Само же горе может выступать как логический субъект действия: «горе придет», «горе учит», «горе пройдет», «горе сподобит», горе наполняет со-бою дом:

Подойти да сиротиночке,
Мне ко дому да к благодатному,
Он стоит-то да улыбается,
Полным горем да наполняется.

(Бел 17а-29)

³¹ Там же. С. 42—43.

³² Базанов В. Причтания Русского Севера в записях 1942—1945 годов. С. 24.

³³ Адоньева С. Б. Этнография севернорусских причитаний // Обрядовая поэзия Русского Севера. С. 68.

³⁴ Там же.

³⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. С. 34.

³⁶ Там же.

Возможность временной и пространственной локализации, приписываемая концепту «горе», для носителей причетной традиции не является поэтическим приемом, тропом. Горе (не чувство, но состояние) характеризует время и место разрыва границы, отделяющей смертную область от жизни: «горе-горькое где-ко изживаются». Тот, кто принимает это состояние на себя, делает его собственным внутренним состоянием, оказывается «в горе». Единственным и необходимым способом расставания с горем оказывается его «выплакивание», «размыкивание», «распахивание» (горепашица), «изживание».³⁷

От горя нельзя убежать, что и не получается у молодца в песнях о горе-злочастье.

Да говорыл же удалой да добрый молодец:
Как худому-то горюшко не привяжыцсэ;
Как привяжыцсэ горюшко ко хорошому,
Как которой может горюшко преизмыкати.³⁸

Способность «приразмыкать» горе оказывается связанный с нравственными качествами того, кто горе терпит. Опыт горя качественно меняет содержание и форму дальнейшей жизни человека: проживание горя и овладение даром его верификации оказывается тем порогом, за которым обнаруживается новое видение собственного прошлого. Описывая особенности современной причети, О. В. Анкудинова отмечает ряд важных в контексте нашего рассуждения моментов. «Когда мы настоятельно упросили Семыкину (причетницу, от которой собиратели делали запись. — С. А.) пересказать один из своих плачей, то она принялась вспоминать свою биографию». То же, отмечает автор, было и с другими причетницами: «Неизменным творческим импульсом для Семыкиной остается собственное горе, и в частности, неожиданная потеря сына. „Мне старых не очень жалко. А вот если молодой помер, то горю края нема. И свое горе и чужое — все в одно сливаются”».³⁹ Ср.: «Раньше ой причитальниц было. Кто какую жизнь, так тут все и поминают, в горе высказывают».⁴⁰

Посвящающие занимают в причтании позицию повествователя-интерпретатора, рассказывающего чужую жизнь как свою. Можно предположить, что способность видеть и переживать чужое состояние горя как свое — это еще один дар, открывающийся через опыт изживания собственного горя.

«Эпическое начало», столь часто обсуждаемое в отношении причтаний «одаренных» воплениц, свойственно именно посвящающим:

Как сегодня, сего денечка Господня,
Что во светлой-то во светличке,
Во столовой новой горенке
Сидят гостюшки все званые
Гости званые и жданные...
Нет, не свадьбушка ту собирается
И не праздные гости спотешаются,
Тут кручинушка великая справляется,
Горе-горькое где-ко изживаются:
Схоронили мы родиму нашу тетушку,
Сему дому именитую хозяюшку...⁴¹

³⁷ Повесть о горе-злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984.

³⁸ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1889—1901 гг. СПб., 1910. № 102 (406).

³⁹ Анкудинова О. В. О некоторых жанровых особенностях плача (по современным записям) // Русский фольклор. Т. 23: Полевые исследования. Л., 1985. С. 85—87.

⁴⁰ Адоньева С. Б. Этнография северорусских причтаний. С. 68.

⁴¹ Поминальное причтание по родной тетке, записанное от «нищей Ульяны» в 1886—1887 гг., цит. по: Причтания / Вступ. ст., примеч. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960. С. 295.

Причитающая однозначно интерпретирует происходящее, называя точно смысл события — здесь и сейчас *изжигается горе*. Концепт «горе» служит оператором преобразования реальности факта во внутреннюю энергию, изменяющую смысловое пространство «изживающих».

Себя причетница ассоциирует с активными участниками ритуала — «*схоронили мы*».⁴² Сравним прочтение сестры, т. е. также не «*сиротеющей*» в ситуации похорон:

Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого
Есте платьице не цветные,
А есте платьице умершие.
Он собирается-снаряжается
Он во матушку сыру землю.⁴³

Ту же особенность — два типа плача — выделял Н. Шаулич в рамках сербской плачевой традиции: «*коплакивание (тужение) продумано, скомпановано, исполняется напевно, тогда как прочтание (наицанье) — стихийное, часто бессвязное излияние горя, похожее на речитатив*».⁴⁴ Об особой роли опытных причитающих свидетельствуют как русские, так и сербские собиратели фольклора. Шаулич отмечал, что, чем старше плакальщицы, тем больше общественное у них заменяет личное. У них есть уже сформировавшиеся взгляды на жизнь и на смерть, определенная жизненная философия, поэтому плач переходит в эпический рассказ.⁴⁵ Тот же факт отмечает русский автор, описавший проводы в солдаты и плачи по солдатам, уходившим на Перову мировую войну. «*Обрядовые прочтания совершаются накануне отъезда солдата на войну. На весь этот день обыкновенно приглашается старушка-прочтальница... Старушка должна хорошо знать порядок проводов и соответственно обряды и прочтания. Она то прочтывает сама, то иногда подсказывает слова прочтаний другим плачущим женщинам... Она в противовес родственникам, которые вносят в свои прочтены много личного элемента — сожаления, горя и внутренней тоски...*»⁴⁶ объясняет присутствующим великую цель призыва солдат на войну... Рисует, как сражаются и умирают за отчизну воины: „*в превеликих сражениях солдатских темны леса к земле приклоняются, люты звери в страсти разбегаются, с переполохи птички падают...*”⁴⁷ Причтальщица открывает картину, разворачивающуюся далеко за пределами естественного человеческого зрения, обнаруживая свой особый общественный статус (заслуженное, ратифицированное обществом право говорить о чужом моральном долге) и дар особого видения.

Пограничное в символическом, психологическом и социальном смысле состояние претерпевающего переходную ситуацию (посвящаемого) не только манифестируется, но и организуется посредством специфически выстроенных ритуальных текстов.

Прочтание служит инструментом посвятительной процедуры, речевым действием, объектом которого является «*климинальная персона*» или посвящаемый. Прочтания посвящаемых и прочтания посвященных, обладая единой поэтико-ритмической формой, существенно отличаются в pragматическом отношении. Различие ритуальных позиций однозначно проговаривает-

⁴² О характере отношений адресанта ритуальной речи и инициатора ритуального действия: Адоньева С. Б. «*Я*» и «*Ты*» в ритуальном тексте.

⁴³ Причтания. С. 256.

⁴⁴ Зайцев В. К., Шаулич Е., Шаулич Н. Сербские плачи. С. 383.

⁴⁵ Там же. С. 385.

⁴⁶ Ульянов М. И. Обрядовые прочтания при проводах в солдаты на войну: (По записям и личным наблюдениям). Пг., 1915. С. 4—9.

ся опытными причетницами, всегда фиксирующими статус того причитающего, от лица которого звучит причет. Например, Федосова сообщает: плач о старосте «вопит старостиха», о писаре — «вопит кума», плач об убитом громом-молнией — «соседка к соседям».⁴⁷ Таким образом, даже в тех случаях, когда причитает «профессионал», чьи позиции могут различаться от причтания к причтанию, и происходит причтание вне конкретной обрядовой ситуации, всегда возникает потребность указать тот «коммуникативный коридор»,⁴⁸ в пределах которого будет разворачиваться данная ритуальная коммуникация.

Посвящаемому в сиротство, так же как и другим участникам похорон, вменяется определенная ритуальная роль. Но в отличие от всех других участников ритуала ритуальная роль сиротеющего влечет за собой принципиальные изменения в жизни ее исполнителя.

Вступающим в сиротство необходимо отказаться от привычной картины мира (проекции жизни)⁴⁹ и перейти к другой, что непременно должно быть пережито как разрушение личности.⁵⁰ Задача ритуальной процедуры в отношении сиротеющего состоит в разрушении того прежнего «я», с которым он себя идентифицировал, и созидании нового «я».

Причтание, как представляется, служит проверенным традицией социальным инструментом, риторико-поэтическое строение которого призвано к решению определенной задачи: преобразованию смысловых связей психологического пространства переживающего переходную ситуацию.

Существенно то, что причтание опытных представляется как социальная необходимость: она соответствует общественному представлению о том, что похоронный обряд должен быть осуществлен «правильно». Причтание же «неофитов» оценивается в иной модальности, не социально, но психологически: покойник *должен* быть оплакан, дабы ритуал был совершен, но вдова или дочь *может* быть в *состоянии* (или быть не в состоянии) сделать это. Посвящение всегда испытание, роль инициирующего в нем обязательна: старухи всегда причитают на деревенских похоронах, роль же посвящаемого может быть исполнена в той или иной степени, он может лучше или хуже справиться с предложенным судьбой и обществом испытанием.

Но то, что должна совершить над собой причитающая впервые, осуществляется через особое строение осваиваемой особой «причетной» речи.⁵¹

Именно pragmatикой, как представляется, определена традиционная форма вопрошения умершего. Адресантами такого вопросительного высказывания являются инициируемые:

Ой, поспрошу я только беднушка:
Ой, тебе што не прилюбилосе,
А тебе што не приглянулосе...

Бел 17а-10

⁴⁷ Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 1.

⁴⁸ Под коммуникативным коридором понимаем контекстные характеристики адресанта и адресата, обстоятельства коммуникации и т. д. Подробнее: Адоньева С. Б. Имя и обращение // Альманах «Канун». Вып. 5: Чужое имя. СПб., 2000.

⁴⁹ Понятие «проекция» более точно отражает, на наш взгляд, отношение между реальностью и социально и культурно фиксированной ее интерпретацией.

⁵⁰ Представляется, что база небытия не как загробного мира, но как деструкции, уничтожения является обязательной для переходных обрядов именно по этой психологической причине: смерть как состояние во всех традиционных культурах — другая форма бытия. Небытием, разрушением отмечена именно фаза перехода.

⁵¹ В отношении свадебного причтания см.: Адоньева С. Б. «Я» и «Ты» в ритуальном тексте.

Как ты куды же наздобился,
Моя милая ты лада?..

Бел 17а-110

— вдова — по мужу.

Осиротевшая дочь — по отцу:

Ты на кого меня, родитель, оставил,
Ты на чье больно великое желаньице?

Во всех случаях вопрос присваивает лицу, к которому он адресован, умершему, компетентность в области причин и следствий сложившейся ситуации и ответственность за ее возникновение:

Ой, голосочком я повызыдины

Ой, своего дитя бажоного.
Ой, тебе что не прилюбилосе,
А тебе что не приглянулосе,
Ой, тебе денюшки ль не полны,

Ой, али хлебы не довольны.

Ой, ты оставил молоду жену...⁵²

Куда ты, мая мамынька, ат мине атлитаишь,
А мине с дробными детушками пакидаишь?⁵³

Сиротеющая причетница предстает в причитании как лицо, претерпевающее последствия воли адресата, что принципиально отличает ее ритуальную роль от роли других причитающих — толковательниц происходящего. Информация, которую, как это декларируется вопросом, хочет получить адресант, имеет отчетливо выраженную «принадлежность». Вопрошающему требуется информация о нем самом, которая парадоксальным образом оказывается в компетенции адресата: «скажи мне, какой/как я»?⁵⁴

Да я теперичи, кокушица,
Да как я буду обживатися?⁵⁵

Уж что ты плотно-то повалиласи,
Уж что ты крепко усыпиласи,
Уж и на меня ды приосердиласи
Уж ты на гордыни-то словециушка?

Бел 17а-45

Ты радельнице наша матушка,
Не сказала нам, как в чужих людях жить,
Как в чужих людях работати...⁵⁶

⁵² Обрядовая поэзия Русского Севера. № 3.

⁵³ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Смоленск, 1899. Вып. 2. С. 319.

⁵⁴ «Последний и самый неизбывный факт человеческой жизни в том, что „Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, ибо их нет“ (...) Не может Рахиль утешиться о детях никакими комбинациями своих слов и представлений (курсив мой. — С. А.), потому что все равно детей ее больше нет. Тут-то и начинается для человека совершенно новая оценка всего своего... В этом смысле древний Сократ говорил, что „смерть есть начало мысли“» (Ухтомский А. Интуиция совести: Письма. Дневники. Заметки на полях. СПб., 1996. С. 272).

⁵⁵ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. С. 179.

⁵⁶ Причтания. С. 318.

Господарев мой Сергеюшко,
Да господарев мой сердешненькой!
Ой ты чаво жо ты надумалса?⁵⁷

Утверждение подается в вопросительной форме, что, казалось бы, соответствует форме риторического вопроса: вопрос «почему ты умер?» обращен к мертвому, очевидным образом не способному на него ответить в силу того, что ситуация не в его власти. Важно и другое: присваивая умершему свободу решения вопроса о своем уходе, говорящий берет на себя вину за вероятное неправильное поведение, спровоцировавшее этот уход: «Уж я чем да провинилась, / Я какою ногою пропустилась?».

Но все дело в том, что складывающиеся обстоятельства вообще причинно не связаны с поведением говорящего: наступление смерти не связано ни с волей умершего, ни с правильным или неправильным поведением говорящего.

Говорящий (посвящаемый в сиротство) оказывается не субъектом, но объектом обстоятельств, причины же их лежат вне его компетенции, что в действительности и порождает вопрос. Насущный вопрос о том, каковы причины того, «что с мной происходит», не с покойным, а именно с адресантом причета, с сиротеющим, подменяется риторическим вопросом, базирующимся на определенной пресуппозиции: ‘если все делать правильно, ничего плохого произойти не может. Плохое произошло. Значит, я/мы сделали что-то неправильно. Но мы все делали правильно. Как это может быть?’.

Вопрос оказывается вызван посягательством ситуации на пресуппозицию говорящего, на область, формирующую «мир», по правилам которого говорящий живет.⁵⁸

Картина мира вопрошающего в причетном высказывании оказывается не-соответствующей смыслу тех событий, которые он же сам и описывает.

Прагматика такой конструкции причтания обусловлена задачей ритуала: она состоит, во-первых, в отчуждении посвящаемого в сиротство от прежней картины мира, и только после этой мучительной процедуры, во-вторых, в присвоении ему нового статуса, который с точки зрения неофита разворачивается в становление нового видения мира и своей роли и места в нем:

Надо мной да моя молодость прокатилася,
Голова моя невовремя состарилааси!
Надо жить бедной горюшице умеочи,
По улице ходить надо тихошенько,
Буйну голову носить надо низешенько,
Наб сердечушко держать мне-ка покорное
Ко тыим суседям спорядовным,
Не обидели б сиротной молодой вдовы⁵⁹

Нынь как станем жить бедные?
Как мне-ко, молодой вдовы,
Наб сердечком быть ласковой,
Держать головушку поклонную,
А сердечушко покорное.
Надо сродцам поклонитися,
Наб суседам покоритися!⁶⁰

⁵⁷ Обрядовая поэзия Русского Севера. С. 105.

⁵⁸ Заимствуем у А. Вежбицкой удобный для нашего случая способ логической интерпретации высказывания: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

⁵⁹ Причтанья Северного края... Т. 1. С. 38.

⁶⁰ Причтания. С. 305.

Разрушение целостности и осмысленности мира оказывается первой ступенью в процедуре перехода от одного статуса к другому. В причтаниях посвящаемых декларируется:

— непонимание происходящего, представляемое как утрата предметами своих привычных значений:

Ноны гляжу-смотрю печальна горепашица,
Я на это на хоромное строеныцио,
По вону стоит палата грановитая,
По нутру стоит тюрьма заключевная.⁶¹

— нарушение течение времени:

Нынче времечко коротается,
К одному концу свивается...⁶²

— утраты мира (мира «своего», т. е. именно картины мира и «горя» в том именно смысле, о котором мы уже говорили выше: горя как процесса переживания опыта утраты):

У меня тако горюшечко
Потеряла я свой белый свет.⁶³

— нарушение привычного порядка вещей:

Уж во твоей-то высокой горёнке
Уж будё в том ды углу пустёшенько,
Уж как в другом да холоднёшенько,
Уж как в третьём-то — снежки белыи,
Уж как в четвёртом — пецы кирьпицьная,
Уж пецы кирьпицьная, холодная.⁶⁴

Отмеченная Л. Г. Невской тема деструкции отдельных элементов дома в причтании с позиции переживающего утрату есть деструкция внутреннего психологического пространства, устойчиво описываемого в традиции через метафоры жилища.⁶⁵

Адресант причтания свидетельствует о действительности определенных событий, которые он наблюдает, но не имеет ключа к их интерпретации — «почему мой родственник лежит без движения», «почему собрались в доме люди», «почему близкий человек, всегда отвечавший мне, теперь молчит, т. е. перестал быть тем, чем он всегда был». «Вещи», которые наблюдает причитающая, перестают соответствовать своим прежним значениям.

Причтание фиксирует разрушение смысла: это речевое действие нацелено на разрушение личной идентичности того, кто впервые присваивает себе эту речевую форму.

Область пресуппозиций: ‘если все делаешь правильно, как положено, ничего плохого случиться не может’.

Область высказывания: ‘что-то плохое случилось, значит, что-то было сделано неправильно’:

Глупо сделали, сиротны малы детушки,
Мы проглупали родительско желаньцио,
Допустили эту скорую смеретушку!⁶⁶

⁶¹ Причтанья Северного края... Т. 1. С. 20.

⁶² Разова И. И. Похоронный обряд Белозерского края. С. 175.

⁶³ Там же. С. 189.

⁶⁴ Обрядовая поэзия Русского Севера. № 5.

⁶⁵ Невская Л. Г. Семантическая структура балто-славянского погребального причтания // Etnolingwistika. 1997/1998. N 9/10. C. 51—66.

⁶⁶ Причтанья Северного края... Т. 1. С. 25.

Я бы знала, сиротиночка,
Так не поспала бы ночку темную,
Заперла бы тя, сын возлюбленной...⁶⁷

Вопросительная конструкция обнаруживает посягательство ситуации на смысловую организацию мира, в котором располагал себя до сего момента говорящий: происходит столкновение хорошо знакомого жизненного сценария с разрушающим этот сценарий жизненным фактом.

Причтание создает вербальную оболочку того противоречия, которое возникло между реальной жизнью и ее социальной проекцией. Противоречие это должно разрешиться социально — изменением позиции и психологически — через преобразование внутреннего пространства переживающего переходную ситуацию. Посредством посвятительного ритуала факт внешней реальности становится фактом личной судьбы.

⁶⁷ Разова И. И. Похоронный обряд. С. 173.